

**ФРАКТАЛЬНАЯ ПРИРОДА
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ
«РАЙ» И «АД»**

**FRACTALITY OF LINGUOCULTURAL
CONCEPTS "PARADISE" AND "HELL"**

В данной статье идёт речь о применении методов синергетики в исследовании лингвокультурных концептов. Фрактальная природа этих концептов объясняет многие процессы, происходящие при объективации их в текстах и функционировании в языке.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, синергетика, фрактал, ризома, художественный текст, структура, авторский смысл, картина мира.

In this article we are talking about the application of synergetic methods in the study of the linguocultural concepts structure. The fractal nature of these concepts explains many processes occurring when they are objectified in texts and functioning in a language.

Keywords: linguocultural concept, synergetics, fractal, rhizome, artistic text, structure, author's meaning, picture of world.

Современная научная парадигма демонстрирует тенденцию к сближению идей естественных и гуманитарных наук, а также возрастающий интерес исследователей к идеям и методам такого междисциплинарного научного направления, как синергетика. Рассмотрение различного рода явлений с позиций синергетики позволяет анализировать процессы образования упорядоченных структур из неупорядоченных, расширяет возможности познания законов функционирования таких сложных систем, как общество, природа и человек. Синергетический анализ языка даёт возможность приобретения нового знания о смыслообразовании, организации коммуникативных процессов. Применительно к лингвокультурологии, синергетика направлена на раскрытие универсальных механизмов самоорганизации и саморазвития сложных лингвокультурных систем ценностно-познавательного характера. Объединяя творческие усилия человека и природы, синергетика позволяет объёмно (нелинейно) истолковывать процессы восприятия, памяти, принятия решений, креативного

¹ Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела АНО ВО «Российский новый университет».

© Гершанова А.Ф., 2017.

мышления в их лингвокультурологической значимости, объяснить внезапные качественные скачки в целостной структуре лингвокультуры как результат взаимодействия ее наноэлементов (мельчайших смыслов). Благодаря этому синергетика позволяет приблизиться к разрешению проблемы спонтанного формирования целостно упорядоченных объектов лингвокультуры.

Синергетика языка, сознания и культуры – явление не новое. Согласно учению В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, процесс культурно ориентированного познания человеком мира и себя в нем, осуществляемый посредством языка, принципиально подобен миру. Внутренняя форма языка, скрытая в подсознании, при включении человека в процесс речемышления актуализируется, объективируется в лингвокультурном пространстве концептами. Таким образом, язык в полном его объеме и есть сложная, нелинейная, открытая, самоорганизующаяся система, постоянно взаимодействующая с другими системами. Синергетическое взаимодействие, по определению Г. Хакена, – это «совместное действие многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникают структура и соответствующее функционирование» [1, с. 16].

Взаимодействие разных ценностно-смысловых явлений в лингвокультурологии обусловлено такими синергетическими явлениями, как:

- нелинейность развития сложных динамических подсистем (языка, дискурса, культуры);
- необходимая закономерность или случайность явлений;
- бифуркационные процессы;
- диссипативность структур (диссипативность – особое динамическое состояние лингвокультуры в результате активного взаимодействия открытых неравновесных систем. Данное понятие охватывает динамику *самоорганизации сложных, открытых, неравновесных, неустойчивых, нелинейных систем*, которые *спонтанно, путем взаимодействия внутренних факторов* их развития создают в ходе бифуркаций качественно новые структуры лингвокультуры). Причем, завершение бифуркационного перехода локальной системы в новое качество полностью исключает возможность ее возвращения к прежнему состоянию. Процесс становится необратимым. Такие необратимые процессы и приводят к возникновению нового типа динамических состояний материи, названных И. Пригожиным диссипативными структурами, одним из проявлений которых является фрактал [2, с. 67].

Понятия фрактала и фрактальности введено в науку американским математиком Б. Мандельбротом (фрактал от лат. *frangere* – «разрывать, дробить, крошить» и *fractus* – «неровный, негладкий, прерывистый»). Отсюда фрактал – «нерегулярный фрагмент» и фрактальность – «способность распадаться на нерегулярные фрагменты» [3, с. 29]. Понятие фрактальности было принято на вооружение в различных отраслях науки, а также в лингвокультурологии. Согласно теории Б. Мандельброта, фракталы могут иметь различные характерные размеры. Понятие фрактала базируется на понятии самоподобия, что означает, что каждый элемент множества подобен всему множеству. Самоподобие выступает как характеристика, присущая всем фракталам и заключающаяся в точной рекуррентности определенных элементов при любом масштабе наблюдения, другими словами, это строгая самоподобность. Таким образом, фрактал – это такая деталь целого, которая структурно подобна каждой другой части и всему целому. Фрактальные формы, или фрактальные структуры, самоподобны и независимы от размера или масштаба, и они являются результатом итеративных или рекурсивных конструкций.

Основные характеристики фрактала, а именно: структурное самоподобие, неровная поверх-

ность, фрактальная размерность, скалярная относительность, формальная последовательность присущи и языку [3, с. 30]. В целом ряде работ высказывается предположение о том, что лингвокультурное пространство также может быть организовано по фрактальному принципу. Рассматривая текст как некое лингвокультурное пространство, организованное вокруг концептов, можно предположить, что структура текста и самих концептов имеет фрактальный характер. Это имеет принципиальное значение для интерпретации авторского замысла в неклассических художественных текстах, а также для понимания многих прецедентных текстов, в которых объективированы культурные смыслы. Формула фрактала (круг, ризом, спираль, дерево и пр.) зависит от характера бесконечных итераций – способов преобразования [3, с. 43]. Формула позволяет распознать повторяющуюся структуру, каждый элемент которой активизирует скрытые смыслы, порождая новую структуру. Формируется такая «сетка координат», или «концептуальная сетка», представляющая собой модель мира, фиксированная в сознании людей с помощью различных языковых знаков и текстов.

Сетевой принцип организации системы языка и текста присущ когнитивно-дискурсивным структурам, которые рассматриваются во взаимодействии языковых, внеязыковых и интеллектуальных факторов. В системе языка сетевой принцип служит основой организации словарного состава языка в целом и лексикона отдельной языковой личности. Ю.Н. Караулов относит лексикон к ассоциативно-семантическому уровню структуры языковой личности. В его концепции данный уровень представляет «ассоциативно-семантическую сеть с включенной в нее и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [5, с. 87].

Семантическая сеть каждого языка порождается посредством этнокультурной системы значений, свойственной каждому отдельному языку. Системно-синергетический принцип ассоциативно-смысловой организации семантической сети обеспечивает ее доступность каждому носителю языка, несмотря на различия в их языковых компетенциях и в фоновых знаниях. Структура семантической сети благодаря ассоциативности мышления способствует адекватному пониманию и интерпретации концептуальной информации, передаваемой с помощью текста и вербализованной в ключевых сигналах (концептах), и обеспечивает стабильность языковой системы в целом. В процессе выбора слова для построения вербальной формы текста активи-

руется система значений языка, которая, в свою очередь, активирует лежащую в ее основе концептуальную сеть культуры. В результате происходит ассоциирование фрагментов языковой и внеязыковой информации с конкретными лексическими единицами. Причем, в процессе такой культурно-мотивированной номинации выделение из общекультурного фонда соответствующего объекта действительности осуществляется всем этнокультурным коллективом в ходе его исторического развития. В итоге семантика таких понятий, несмотря на изначальную вариативность, в пределах одного и того же лексикона имеет инвариантную структуру – концепт.

Таким образом, под концептом мы понимаем, во-первых, лингвокультурологическую единицу, единицу коллективного сознательного/бессознательного знания/сознания, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой, этнокультурной авторизацией семантических единиц, т.е. соотносительностью с языковой личностью, а во-вторых, базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл с употребляемым словом. Осмысление сущности концепта открывает возможности для описания его структуры.

Наблюдения за исследованиями и описаниями структур культурных концептов показывают нежестко структурированную объектную единицу, в которой, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, выделяются ядерная и периферийная зоны [6, с. 4]. К ядру относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, наиболее яркие образы; более абстрактные семы составляют периферию концепта [6, с. 15–16]. Таким образом, культурные концепты имеют, как правило, структурную форму круга, что напоминает структуру значения, где выделяются ядро – те семы, которые включаются в толкование значений слов, околядерная зона, образуемая потенциальными семами, возникающими в результате отражения в сознании реальных связей, зависимостей, взаимодействий предметов и их признаков; периферийная зона, состоящая из «скрытых» сем, порождаемых различными образно-ассоциативными связями, устанавливаемыми мышлением между первичной и вторичной номинациями [7, с. 144–145].

Анализ лингвокультурных концептов «РАЙ» и «АД», представление о которых нашло отражение и в мифологической, и в религиозной, и в общеязыковой картинах мира, выявил специфику их структур и содержания.

Так, наблюдения за мифологическими и религиозными контекстами [8–13] позволи-

ли смоделировать структуру мифологем «ад» и «рай», для которых характерны признаки: пространственно-временная локализация (место, фазовость во времени), системность внутренней структуры (в атрибутивной характеристике можно выделить главные признаки и предметы, взаимодействующие между собой, и второстепенные), детерминированность (внешнее и внутреннее проявление состояния субъекта, находящегося в данном пространстве, прямая и обратная обусловленность), а также выделить основные регулярные и наиболее типичные языковые репрезентации мифологем «рай» и «ад».

Таблица 1

Религиозно-мифологические концепты «рай» и «ад»

Рай	Атрибуты	Ад
Небесный рай/ Эдем	место	Преиспод- няя
аромат	запах	смерд
сияние	свет	тьма
прохлада, простор	условия	жара, теснота
тишина, мелодия	звук	скрежет, сто- ны
населяющие по иерархии:		
Бог	Высшая сила	Сатана
ангелы	слуги	черти
Ева, Адам (до грехопадения), праведники	люди после смерти	грешники
праведность	причина	грех
блаженство, наслаждение	состояние	муки, боль, страх

Если конфигуративная и фонологическая сложность слов *ад* и *рай* в течение длительного времени оставалась неизменной, а их семантическая структура претерпевала небольшие изменения, то концептуальная структура же подвергалась радикальным преобразованиям, отражая процесс подведения под форму того же знака более сложного содержания. Так, в качестве объекта номинации в данном случае выступал не отдельный предмет, а совокупность предметов и признаков, ограниченная в пространстве и во времени. Актуализация подобных лексем в речи даёт основание утверждать, что они имеют следующие структурные признаки:

– пространственную и временную локализованность (место, где находится предмет);

– детерминированность относительно других понятий, отражающих фрагменты действительности (предметы, явления могут быть связаны между собой прямой и обратной связью, быть взаимообусловленными, представлять собой причину, условие, следствие, цель, способ).

Словарные данные, в которых отразились этимология данных слов, диахронические и синхронические изменения значений, связанные с употреблением в различных контекстах, активизация дифференциальных признаков, функционирование в языке [14–27], показали, что концепты «ад» и «рай» имеют сходные атрибуты: место, куда попадают после смерти, имеющее соответствующие слоты (рай небесный, рай первобытный и ад); состояние человека, который попадает в это место вследствие образа жизни и поступков; условия земной жизни, в которых человек находится в состоянии, близком тому, которое испытывают в аду или раю. Общим признаком для концепта «рай» выступил признак ‘блаженство’ (счастье), который объединяет ‘рай небесный’ и ‘рай земной’ (место, где жили первые люди до грехопадения); для концепта «ад» – «муки».

Современные диалектные словари, результаты исследования фразеологических, ассоциативных, синонимических и антонимических словарей [28–45], показали динамику в представлении носителей русского языкового сознания в конце XIX–XX веках, по сравнению с ранними источниками: восприятие с религиозной почвы переносится на житейскую, бытовую и приобретает помимо пространственного значение состояния человека в реальных условиях. Более того, рай и ад являются принадлежностью жизни каждого человека, как совершающего те или иные поступки, так и безотносительно их. То есть, и рай, и ад входят в жизненный процесс как составляющие его. Употребление в речи, как в поэтической, так и в разговорной, слов *ад* и *рай* в их значениях указывает на приоритетность смыслов, под которыми понимаются данные явления.

Результаты исследования лексем «ад» и «рай» в синхроническом и диахроническом аспектах дают возможность представить модели языковых концептов. При сопоставлении когнитивных моделей концептов «ад» и «рай» становится очевидно, что они имеют сходную структуру. Это объясняется тем, что в самых ранних источниках рай и ад представляли собой единую область в языковом сознании. Атрибутами концептов «рай» и «ад» выступают *пространственная и временная локализованность, причинно-следственные связи, ролевые установ-*

ки, которые принимают на себя субъекты, попавшие в ситуацию рая или ада.

Что касается временной локализованности ада и рая, то здесь следует сделать некоторые уточнения. Концепт «рай» представляется в языковой картине мира в трех когнитивных моделях: «рай небесный», «рай земной первобытный» и «рай – условия жизни» (удобства, покой, счастье). «Рай земной» (жилище прародителей) имеет четкую фазовость: начало – сотворение рая Богом, конец – изгнание Адама и Евы после грехопадения. «Рай небесный» начинается после смерти физической, когда душа праведника предстает перед Страшным судом, где получает разрешение на пребывание в раю. Конечной фазы для рая небесного не существует, ибо этот рай – вечность. «Рай – условия жизни» есть мгновение, так как с появлением ощущения какого-либо дискомфорта, сомнения, тревоги он прекращается. Эта разновидность рая имеет тактильно-чувственную основу и, вероятно, поэтому во временном плане жестко ограничена. Более того, именно этот рай находится в постоянном взаимодействии с адом, ибо с концом рая наступает предчувствие ада – тревога, боль, сомнения и т.д.

«Ад» представлен в следующих когнитивных моделях: «ад – преисподняя», который, как и «рай небесный», имеет только начало, ибо есть вечность, и «ад – условия жизни», с которым сопряжен «рай – реальная жизнь».

Если структуру моделей языковых концептов совместить со структурой мифологем, обозначенную выше, то мы получим целостное представление о языковых концептах «ад» и «рай»:

Таблица 2

Модели концептов «рай» и «ад»

<i>Пространственно-временная локализация</i>		
Место	Аид	Эдем
	Преисподняя	Небеса
	Земная жизнь	
	Плохие условия жизни, [чужбина]	Райский уголок [город, Россия, дом]
<i>Системность внутренней структуры (атрибуты, определяющие предмет действительности)</i>		
Высшая сила	Сатана	Бог
Населяющие	Черты Души грешников	Ангелы, Адам и Ева (до грехопадения), души праведников

Обстановка	Пустота, Жар, Духота, Темнота, неустроенность, Нищета, грязь, ссоры	Зелень, Прохлада, Свет, Удобства, Комфорт, Достаток, Чистота Мир
Цвет	Огненный, черный (тусклые тона)	Белый, золотой (чистые тона)
Звук	Скрежет, Шум, Грохот	Пение птиц, Музыка
Запах	Смрад, вонь	Аромат
Детерминированность (относительно субъекта)		
Причина	Грехи	Благие поступки
Дар/наказание (как следствие)	Муки нравственные и физические, Пытка	Покой, Наслаждение, Блаженство

«Ад» и «рай» – бинарные концепты со схожими концептуальными моделями. Структура концепта повторяется в структуре каждого признакового атрибута, что подчеркивает фрактальную природу данных концептов (схема 1).

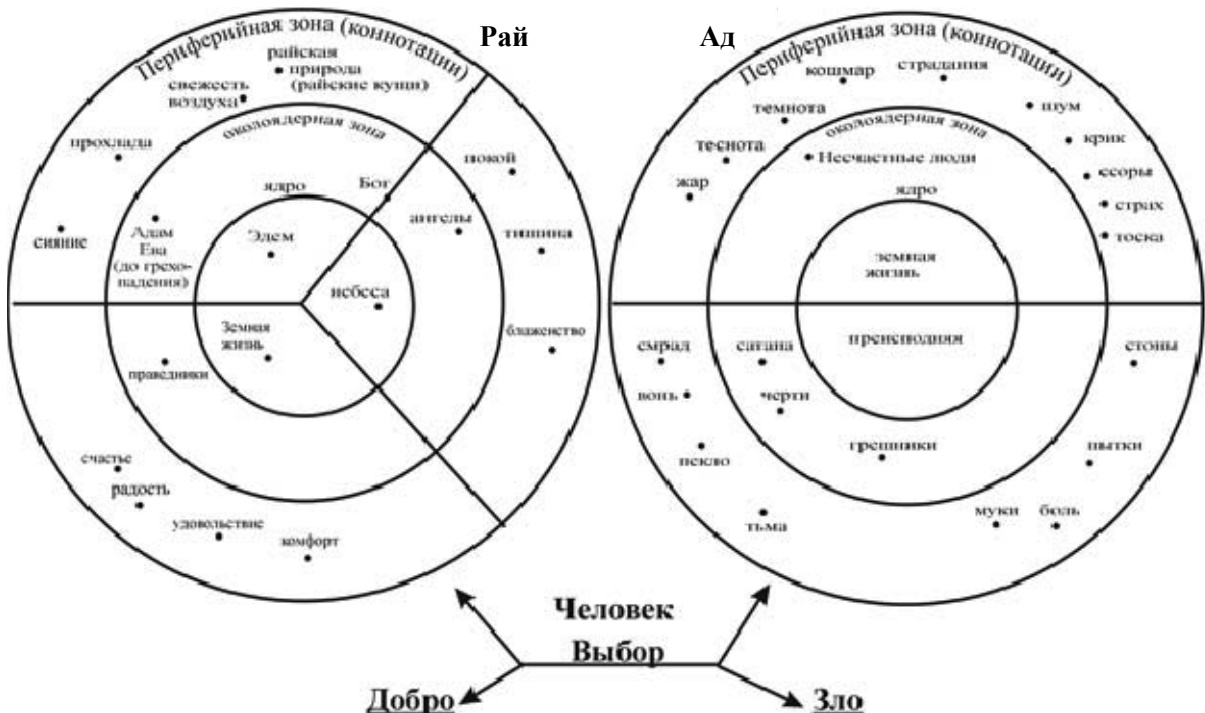
Графически данную модель можно представить в виде ризомы, поскольку все признаки являются непосредственно идентификаторами концепта в равных условиях (схема 2).

Исследование объективации лингвокультурных концептов в художественном тексте (материалом анализа выступил текст романа В.В. Набокова «Дар») позволило выявить, во-первых, структурные особенности художественных концептов, во-вторых, специфику языковых репрезентаций концептуальных смыслов, в-третьих, место данных концептов в картине мира языковой личности писателя.

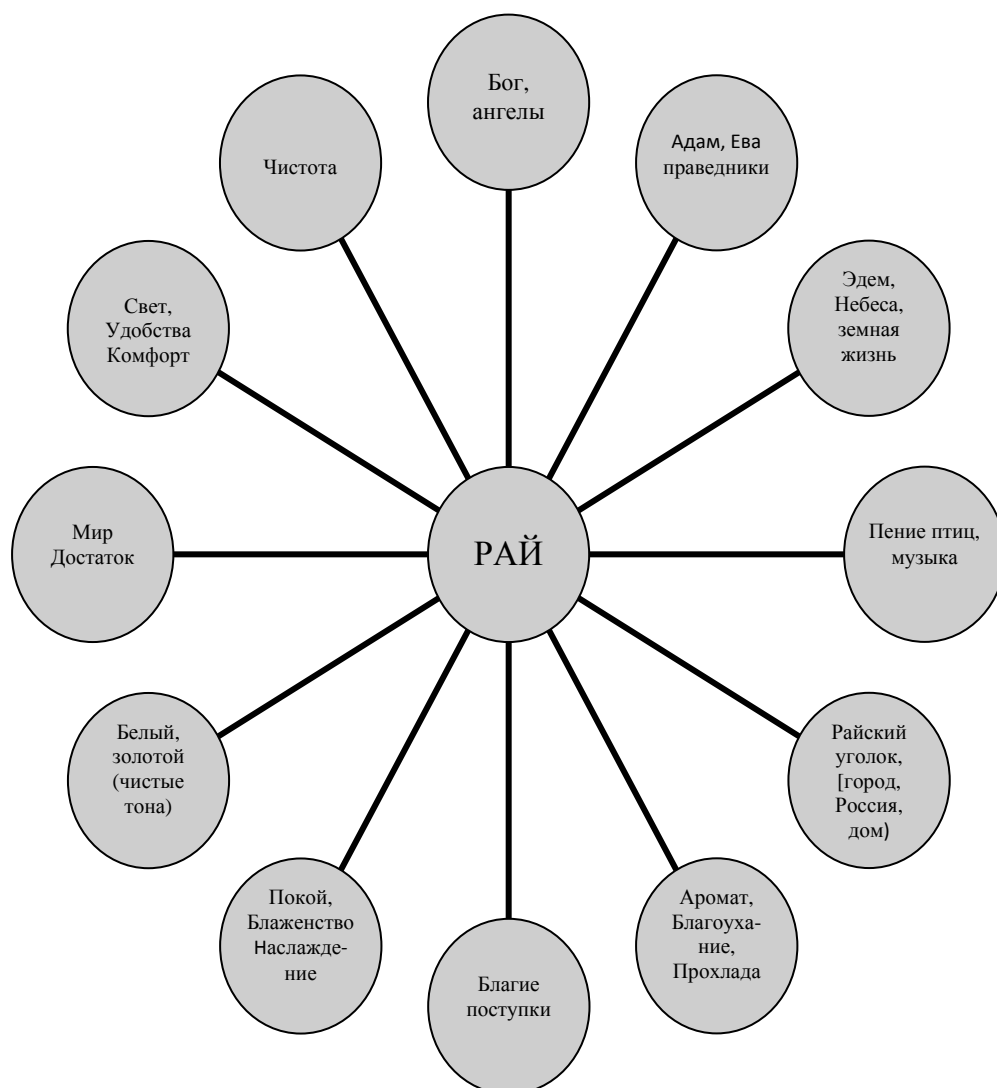
Художественный концепт отличается от языкового тем, что предусматривает большую свободу и подвижность компонентов в структуре концептуального поля. Так, происходит перераспределение в ядерных зонах концептов. Если в языковых (лингвокультурных) концептах актуализируется пространственная локализованность «ада» и «рая» ('место после смерти' или 'райское'/'адское' место с соответствующими условиями'), то в художественных концептах – признак 'состояние' ('блаженство' или 'муки',

Схема № 1

«Рай» и «Ад» как концепты русской культуры (по данным словарей)

Ризоматическая структура концепта «РАЙ»

испытываемые человеком). При выделении признака 'состояние' как доминанты происходит перемещение признака 'место' из ядра в зону ближней периферии.

В художественном тексте концепты «рай» и «ад» представлены двумя основными когнитивными моделями: гедонистической («рай – детство»; «рай – взрослый мир»), возникающий либо в процессе творчества, либо в памяти) и локальной («рай – отчий дом»). Главной является первая модель, в отличие от локальной модели языкового концепта, представленной основным значением слова. Гедонистическая модель может быть также названа каузальной по своей форме, поскольку рай – это то, что осознается как вы-

зывающее блаженство, удовольствие, в то время как ад – то, что осознается как вызывающее страдание [46, с. 18].

Коннотации, выделенные в периферийных зонах концептуальных полей художественных концептов «ад» и «рай», значительно расширяют их рамки, репрезентируя данные концепты новыми значениями и вербализируя их новыми лексемами. Всё это позволяет предположить, что языковые концепты, отражающие общеязыковую картину мира, по сравнению с художественными концептами являются более ограниченными и по масштабам периферийных зон уступают последним. Принцип бинарности (противопоставленности) как основополагающий в рассмотре-

нии данных концептов теряет свою значимость: выделяемый самостоятельно в художественной картине мира концепт «рай» не имеет соотносительной пары – концепта «ад». Причина этого – ризоматическая природа концептов. Структурный разрыв внутри концептов, образование семантических пустот в концептуальных полях (элиминация слотов и атрибутов концептов) обуславливают те самые прерывистость и фрагментарность, выступающие в художественной картине мира В.В. Набокова как определяющие. Таким образом, фрактальную природу имеет не только структура художественных концептов и моделей его произведений, но и модель концептосферы писателя.

Литературы

1. Хакен Г. Синергетика (Synergetics). – М. : Мир, 1980. – 405 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. – М., 1994. – С. 67.
3. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. Закл. ст. Ю.С. Степанова. – Изд-2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.
4. Мамонова Н.В. Фрактальная самоорганизация британского сказочного дискурса (на примере концепта “welfare”): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2015. – 233 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. – С. 4–16.
7. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивно-концептуальное описание русской фразеологии как этнокультурного феномена // Русский язык на рубеже тысячелетий : материалы Всероссийской конференции 26–27 октября 2000 г. : в 3 т. – СПб. : Изд-во филолог. фак-та СПбГУ, 2001. Т. I. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. – С. 52–63.
8. Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология / пер. с англ. А. Блейз. – М. : Иностранная литература, 1997. – 425 с.
9. Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология / А.С. Кайсаров, Г.А. Глинка, Б.А. Рыбаков // Мифы древних славян. Велесова книга / сост. А.И. Баженова, В.И. Вардугин. – Саратов : Надежда, 1993. – С. 23–84.
10. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
11. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Метелинский. – М. : Большая рос. энциклопедия, 1992. – 736 с.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М. : Сов. энциклопедия, 1992.
13. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Русский язык, 1985. – 797с.
15. Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. / состав. священник магистр Г. Дьяченко. – М. : ГЕРРА – Книжный клуб, 1998. – Т. 1. – 608 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : АН СССР, Ин-т рус. яз., 1975. – Вып. 1 (А – Б).
17. Словарь русского языка XVIII века / ред. Ю.С. Сорокин. – СПб. : АН СССР, Ин-т рус. яз., 1984. – Вып. 1. Ах – Беспристрастие.
18. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. – М. : – Ленинград : Академия наук СССР, 1950–1961. – Т. I (А – Б); Т. 12 (Р).
19. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М. : АН СССР, Ин-т рус. яз., 1991 – 784 с.
20. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М. : Академия наук СССР, 1958. – Т. 1–3.
21. Фасмер М. Этимологический словарь / пер. с нем. и доп. Трубачева; под общ. ред. и предисл. Б.А. Ларина : в 4 т. – М. : Рос. изд-во иностр. и национ. слов, 1964. – Т. 1, 3.
22. Цыганенко Г.А. Этимологический словарь русского языка: около 4000 слов. – Киев : Выща школа, 1989. – 847 с.
23. Черных П.Я. Историко-этимологический современный словарь русского языка: 13 560 слов: – М. : Рус. яз. 1994. – Т. 1–2.
24. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / сост. А.Г. Преображенский. – М. : Рос. изд-во иностр. и национ. слов., 1958.
25. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М. : Наука, 1971. – 437 с.
26. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М. : Наука, 1968. – 1975.
27. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: около 9000 синонимических рядов / под ред. Л.А. Чешко. – М. : Рус. яз., 1986. – 589 с.
28. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснитель-

ный словарь синонимов русского языка. – М. : Русские словари, 1995. – 673 с.

29. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник : в 2 т. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996.

30. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь рус. яз. / РАН, Ин-т рус. яз. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 382 с.

31. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 1978–1980. – Т. I : А–З; Т. IV : Р–У.

32. Русский ассоциативный словарь: ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин и др. – М. : РАН, Ин-т рус. яз., 1998. – 211 с.

33. Русский семантический словарь: опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову. / [Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов и др.] – М. : Наука, 1983. – 746 с.

34. Складневская Г.Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складневской. – М. : ИЛИРАН, 2001. – 847 с.

35. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1983.

36. Словарь современного русского народного говора. – М. : Наука, 1969.

37. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Ленинград : Наука, 1971.

38. Словарь синонимов : справочное пособие / под ред. А.П. Евгеньевой. – Ленинград : Наука, 1977. – 583 с.

39. Словарь сочетаемости слов русского языка. – М. : Рус. яз., 1983. – 376 с.

40. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М. : Академия наук СССР, 1958. – Т. 1–3.

41. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры : изд. 2-е. – М. : Академический Проект, 2001. – 990 с.

42. Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971. – 356 с.

43. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. – М. : ТЕРРА, 1996. – Т. 1, 3.

44. Фасмер М. Этимологический словарь / пер. с нем. и доп. Трубачева; под общ. ред. и предисл. Б.А. Ларина : в 4 т. – М. : Рос. изд-во иностр. и национ. слов., 1964. – Т. 1, 3.

45. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / сост. А.И. Федоров. – М. : Толикал, 1995. – 608 с.

46. Фразеологический словарь русского языка : около 4000 слов / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. А.И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1986. – 879 с.

47. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений // Н.Д. Арутюнова Оценка, событие, факт / отв. ред. Г.В. Степанов. – М. : Наука, 1978. – 389 с.